
ЕГОР МЕДВЕДЕВ
ДАРЫ ДЬЯВОЛА

Дары дьявола

Егор Медведев

Аннотация

Здесь красота - заложница силы. Дары оборачиваются проклятиями. А высшие силы играют на человеческих страстях, пороках и добродетелях. Послушайте печальную историю о величии и падении славного города Зюдлихбурга. О трагической судьбе его жителей и неземной, сжигающей любви, не ведающей ни границ, ни морали.

Содержание

Глава 1 — 5

Глава 1

Если когда-нибудь вам захочется сменить обстановку и взглянуть на мир иначе – не раздумывайте долго и отправляйтесь прямиком в Шварцвальд. Клянусь, нигде больше вы не встретите мест более таинственных и живописных, чем сказочные отроги этих гор, покрытых туманом и вечнозелёным лесом.

Хвойные чащи, раскинувшиеся на многие километры, хранят немало тайн. Прогуливаясь по их тропам, вы можете в самых неожиданных местах наткнуться на пасторальные деревушки, где дома, словно гигантские грибы, надвигают на себя тяжёлые шляпы-крыши так, что не сразу разберёшь, где у них дверь. Если окажетесь в таком месте – непременно испейте местной воды. Ведь в каждой деревне она своя: особенная, из собственных минеральных источников.

Подышите воздухом, насыщенным смолой, хвоей и солнечным светом. И станете такими же статными и сильными, как здешний народ.

А если вы не большой любитель дикой природы – загляните в один из городков, коих в Шварцвальде немало. Каждый из них по-своему удивителен. Уникальные булыжные улочки, дома и ратуши – настоящие шедевры готической архитектуры. Но что рассказывать! Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Тем более что для каждого человека Шварцвальд раскрывается по-своему.

Скажу одно: стоит вам хоть раз ступить в эти земли – и вы навсегда оставите в них своё сердце.

Но хочу предупредить: не совершайте ошибку, что совершили герои этой книги. Не покидайте гостиницу после наступления сумерек. Иначе велик риск встретиться с тем, что не поддаётся рациональному объяснению.

Эта земля, от истоков Дуная до берегов Рейна, пронизана легендами и преданиями. Чего только не рассказывает тёмный Шварцвальд: о стеклянном человеке, о жутком Дер Гроссмане, похищающем детей по ночам, об угольщике Петере Мунке с каменным сердцем, о горбуне из Лангенальба… И чаще, чем где бы то ни было, именно здесь, особенно осенью, начинается свой стремительный бег неведомая сила – Дикий Гон.

Но его приближение вы почувствуете заранее.

Сначала послышатся далёкие удары копыт, глухой рёв рогов, вой. Затем по небу, в сопровождении псов, больше похожих на волков, пронесутся загонщики – призрачные фигуры, когда-то бывшие людьми. Их гримасы, кривляния и ужимки сводят с ума тех, кто встретится им на пути.

За ними, на статных лошадях, выезжают охотники. Молчаливые. С пустыми глазами. С величественной и страшной решимостью в каждом движении. Их одеяния и оружие говорят об их высоком положении. Каждый шаг их коней

отзывается в груди гулом, пронзающим страхом до костей.

Их появление разрушает само ощущение реальности. Будто сдвигается мир – и ты оказываешься там, где тьма преобладает над светом, а зло – над добром. Никто из видевших это зрелище не забудет его.

Позади процессии едет сам Король Дикой Охоты. Иногда – с ним и Королева. Восседают на белоснежных конях, в боевых доспехах, с глазами, сверкающими огнём. Их плащи, усыпанные звёздами, способны окутывать всё войско, скрывая его от глаз, затмевая Луну и являя ужасные картины будущих бедствий.

Промчится Охота по небу, и следом за ней – холод, тишина, а иногда и буря. Горе тем, кто не успеет найти укрытие.

Мчится Дикий Гон. Развеваются плащи. Пылают глаза.

Он проносится над озёрами и лесами, над замками Ильзенштайн и Виндек, над спящими городами. Туда, где в башнях, окутанных туманом, мёртвая невеста до сих пор ждёт своего жениха…

Так не мешкайте, собирайтесь в путь и вы.

Мы отправляемся за ними – по дороге легенд и сказок!

ДАРЫ ДЬЯВОЛА

“Bin ich als adler Junker, hier

In rothem, goldverbramtem Kleide,

Das Mantelchen von starrer Seide,

Die Hahnenfeder auf dem Hut,

Mit einem langen, spitzen Degen…”

Johann Wolfgang von Goethe, "Faust"

Когда-то, на краю Шварцвальдского леса, неподалёку от нынешнего Фалькенштайна, стоял небольшой, но славный городок Зюдлихбург.

Скорее это было большое поселение, чем город в полном смысле слова, но он, тем не менее, имел свою ратушу, и даже защитный вал, некогда выручивший горожан в смутные годы войны. Теперь же, когда долгожданный мир укрепился, люди возвращались на покинутые земли. Возвращались ремесленники, крестьяне, охотники. Жизнь налаживалась медленно, но уверенно.

У Хайнца, бургомистра Зюдлихбурга, дела шли превосходно. Он поставлял в Фалькенштайн муку и откормленный скот, казна города росла, и он даже подумывал: не возвести ли, на всякий случай, стены повыше да понадёжнее? Мало ли что. Соседство с беспокойными баварцами никто не отменял.

Однако к постройке стен руки пока не доходили – предстояла свадьба сына. А свадьбу Хайнц решил справить щедрую: невесту он выбрал лично – дочь

бургомистра Эрмслебена, Юту.

Юта была девушкой симпатичной, кроткой и покладистой. Правда, с некоторыми изъянами. Такими, что к своим двадцати двум годам оставалась незамужней, и достойные женихи обходили её стороной. Лишь когда отец пообещал щедрое приданое, интерес к ней неожиданно возрос. И тогда уж нос всем утёр Хайнц – он был первым, кто предложил руку сына, Эдзарда. Дружба с отцом девушки, зародившаяся ещё в детстве, сыграла свою роль – и Юта, и приданое перешли в дом Зюдлихбурга.

Получив всё, что хотел, бургомистр вместе с молодожёнами восседал в крытой повозке, богато убранной бархатом и шёлком. Сопровождал их отряд охраны – отборные воины, молчаливые и крепкие, как сам Хайнц.

Он нервничал.

Слишком уж часто в последние месяцы говорили о разбойниках, а с собой он вёз немало ценностей. Но путь, как казалось, был короток – всего три часа до дома, – и он надеялся успеть до темноты. Обычного своего правила не ездить через лес ночью Хайнц нарушать не любил. Но сейчас он полагался на силу, опыт и собственную звезду, которая столько раз вытаскивала его из бед.

Да, он был не из трусливых. Молодость его прошла в лесах и на полях сражений. Он знал, что такое унижение, плен, голод, смерть. И всё это вынес. В старости стал как кремень. В драке и теперь, бывало, мог дать фору молодым.

Лишь одно его тревожило – сумерки, что сгущались слишком быстро.

И Шварцвальд – такой тихий снаружи, но полный древней, несказанной тьмы внутри…

Эдзард ехал весь путь отрешённо. Он не горел желанием жениться, но – отец сказал, а ослушаться он не мог. Весь день он глядел то в дорогу, то в пол, стараясь избегать взгляда невесты. Но когда вышла полная луна, он начал замечать: её черты в этом серебряном свете становятся мягче. Недостатки тают, глаза светятся, и вся она – вдруг кажется ему милой. Почти красивой. Жаль лишь, что утром солнце развеет всю эту магию.

Юта же и сама старалась не поднимала глаз, опасаясь, что они выдадут её страх. И всё же, казалось, ей нравился Эдзард. Иногда дрожали ресницы. Щёки порозовели, когда их руки случайно соприкоснулись. Сердце стучало громче, и она невольно ловила его дыхание. И вдруг…

Лошади заржали, встали на дыбы. Повозка качнулась. Юту швырнуло вперёд – но Эдзард успел её поймать. Его рука сомкнулась на её руке. Их глаза встретились – всего на одно, длинное, неподъёмное мгновение. И потом, всю оставшуюся жизнь, Эдзард вспоминал этот миг. Этот взгляд. Это прикосновение.

Никто не заметил, откуда он появился.

Человек в чёрном.

Высокий, почти под три метра ростом, в длинном тёмном плаще и высокой шляпе, он стоял прямо перед лошадьми. От него несло зверем. Кони рвались прочь, но человек удержал их одной рукой.

Стража, очнувшись от ступора, бросилась вперёд, но незнакомец не двигался. Он спокойно извинился за испуг и вежливо попросил взять его с собой – до ближайшего города. Но бургомистр, и сам изрядно напуганный, с хриплым голосом отказал. Даже обругал – не простив себе страха.

Человек в чёрном только усмехнулся.

– А ведь мы знакомы, Хайнц, – сказал он. – Ты далеко ушёл с тех пор, как мы разошлись. Помнишь Брейтенфельд? Помнишь, как мы давили клопов в завшивевших постоялых дворах? А потом… тот случай… Как ты выбился в бургомистры, Хайнц? Вспоминаешь тех ребятишек?

Хайнц побелел. Затем налился краской, как переспелый томат. Он не узнавал человека, но слова эти… всплывали, как тени из прошлого, о котором он хотел забыть навсегда.

– Кто ты такой?! Прочь, покуда я не велел тебя выпороть!

– Вижу, вспоминаешь, – продолжил незнакомец. – Но я не в обиде. Любой здравомыслящий человек поступил бы так же. Посмотри на себя: богат, уважаем, сын – красавец, и вот теперь и невестка…

Я хотел было заглянуть на вашу свадьбу. Но раз ты меня прогоняешь – оставлю свои дары прямо здесь.

Он обвёл взглядом троицу.

– Тебе, Хайнц, я дарю то, чего ты жаждал больше всего: почитание и мудрость. Люди будут приходить к тебе за советами, и всё, что ты ни скажешь, будет приносить пользу… Но только тебе.

Он повернулся к Эдзарду.

– Тебе, юноша, я дарю любовь. Такую любовь, какой не знал ещё ни один смертный. Она будет чиста, сияюща, растуща день ото дня. Но только коснись объекта своей любви – и обречёшь её на ужасную, мучительную смерть.

Он склонился к Юте.

– А тебе, дитя, чья красота раскрывается лишь в лунном сиянии, я дам то, о чём мечтают все девушки. Ты станешь прекрасней всех на земле. Красотой неувядающей, растущей с годами. Ты станешь для людей луной… и солнцем.

С этими словами он взмахнул плащом – и исчез. Не во вспышке света, а во вспышке тьмы, чернее самой ночи. Воздух прорезал запах серной гари и сырой земли.

Стража, наконец, пришла в себя. До того стояли, как каменные, не в силах пошевелиться.

И тогда всем стало ясно. Это был не человек, а сам дьявол. Но было уже поздно.

***

Утром, едва узнали о возвращении бургомистра, весь Зюдлихбург устремился к его дому, чтобы взглянуть на невесту.

Когда Юта сошла с повозки, толпа ахнула. Она действительно была прекрасна – даже более, чем рассказывали. Лунный свет ушёл, но дар остался. Её кожа сияла, глаза мерцали, движения были мягки и благородны.

Горожане восторгались:

– Какой цветок!..

– Какое чудо ты привёз, Хайнц!

– Она – главное украшение Зюдлихбурга. Она прославит наш город!

Но свадьба не состоялась.

Хайнц, который прежде спешил сыграть её как можно скорее, вдруг отложил торжество на месяц. И хотя все отметили его разумность – мол, пусть молодые узнают друг друга получше – дело было вовсе не в этом.

Радость Хайнца от этой «выгодной партии» омрачалась: он не мог забыть человека в чёрном и его дары.

Сын его, Эдзард, бледнел с каждым днём. Он словно угасал. Любовь к Юте была пламенем, от которого нельзя было уклониться, но и прикоснуться к нему – смерть. За всё это время он ни разу не коснулся её. Даже случайно. Даже в танце, даже мимоходом.

Хайнц посылал гонцов во все стороны – отыскать хоть кого-нибудь, кто слышал о трёхметровом человеке в чёрном. Но всё было впустую.

О нём рассказывали сказки. О нём шептались в ночных трактирах. Но никто не знал, где его искать.

Сам Хайнц теперь был похож на сгнившую изнутри фигуру, окутанную пышной мантией власти. Он стал лучшим советчиком во всём крае. Люди, чтобы только получить его совет, приезжали к нему из других городов.

И действительно – всё, что он советовал, приносило успех.

Тем временем Хайнц всё яснее понимал: проклятие укрепляется с каждым днём. И придёт час, когда его уже нельзя будет снять. Хайнц даже подумывал разорвать помолвку – авось это прервёт магию.

Но… он знал, чем это обернётся. Скандал. Позор. Политический крах. Люди, которым он был нужен как символ, отвернутся.

А самое страшное: сын отказывался расстаться с Ютой.

– Я не проживу и дня без неё, – сказал Эдзард. – Если ты разлучишь нас, я

наложу на себя руки.

Хайнц знал – это не в духе сына. Но он также знал: под действием чар никто не может ручаться за самого себя.

В конце концов, Хайнц, возможно, и придумал бы что-то разумное, если бы только ему дали сосредоточиться.

Но день за днём, час за часом к нему тянулись и тянулись просители. Одни требовали разрешить спор, другие – совета в делах или вложениях. И неважно, кто стоял перед ним: зажиточный аристократ или неуспешный торговец. Все уходили довольными, как после исповеди или прикосновения к святыне.

Хайнц казался им беспристрастным, доброжелательным, почти отеческим. Каждое его слово обретало вес откровения. А если дела шли прахом, что, увы, тоже случалось – никто и помыслить не смел, будто Хайнц мог ошибиться. Нет, ошиблись они. Не хватило ума постичь всю глубину его замысла. Или ловкости исполнить совет как следует.

Казна бургомистра, между тем, пухла. Но он и не думал хвастаться богатством. Наоборот – скромен, прост, немногословен. Всё, как подобает человеку высокой мудрости.

Спрос и суету он ещё мог бы вытерпеть. Всё же это прибыль. Но вот толпа зевак…

Каждый день, с утра и до самой полуночи, они осаждали дом Хайнца, выжидая, когда Юта выглянет в окно. Надеялись узреть её лицо, хоть краешком глаза, будто это было им явлением Богоматери.

Поэты слагали ей стихи. Трубадуры бренчали на все лады. Шпильманы ставили пьески, где Юта и Эдзард были непременно главными героями. Миннезингеры пели о куртуазной любви к Прекрасной Даме, в которой без труда угадывались черты Юты.

Во всех этих песнях любовь противопоставлялась плотской страсти. Любовь – как подвиг, как путь к искуплению.

Никакие меры не помогали. Ни суровые приказы городской стражи. Ни окрики самого бургомистра. Ни угрозы ареста и штрафов. Площадь превратилась в театральную ярмарку.

Гул стихал только на несколько ночных часов, и Хайнц боготворил это время, как умирающий почитает тень дерева в знойный полдень.

Была, правда, от всего этого и польза: Зюдлихбург стал процветать.

Сюда потянулись люди из соседних городов и деревень, чтобы убедиться в правдивости легенд. Они тратили деньги в трактирах, харчевнях, лавках, покупали медальоны с именем Юты, даже плащи с вышитыми её глазами.

Доход рос. Порядка стало меньше.

Пришлось расширить городской патруль, закупить оружие, шить новую форму. И все расходы, как водится, легли на Хайнца.

Но оно того стоило.

Между тем, срок свадьбы неотвратимо приближался.

Аппетиты Хайнца, разгоревшиеся за месяц, сделали прежние замыслы ничтожными и скучными. Он уже не хотел просто свадьбу – он жаждал триумфа.

В мечтах он стремился, если не превзойти, то хотя бы сравняться с легендарной Ландсхутской свадьбой. Тогда, по преданию, за считаные дни был съеден весь годовой запас Баварии. И пусть с тех пор утекло много воды, но до сих пор слагаются о ней песни, слагаются сплетни – и, главное, помнят.

Хайнц же жаждал памяти.

Не мировой славы – пока нет, – но, чтобы в городских анналах Зюдлихбурга его имя сияло золотыми буквами. А значит, свадьба его сына должна быть такой, чтобы о ней говорили веками.

Он приглашал гостей со всех концов земли. Его люди не спали ночами, выдумывая новые развлечения и угощения. Ожидались знаменитые актёры, фокусники, гастролёры, бароны, графы, учёные и алхимики. Завершиться всё должно было грандиозным фейерверком и пиром под открытым небом.

На бумаге выглядело безупречно. На деле же – всё было на грани провала. Потому что в сердце Хайнца по-прежнему копошился червь сомнения. Как быть, когда сын не может коснуться своей жены? Как объяснить это? Как унять сплетни?

А между тем, гости уже прибывали. За два дня до свадьбы Зюдлихбург закипел, как котёл.

Хайнц, предусмотрительно, успел выстроить два огромных гостевых дома и два поменьше. Но этого оказалось недостаточно: приезжали и незваные. Одни сваты притащили чуть ли не четверть родного городка.

Пришлось принимать экстренные меры: из гостиниц выселяли простолюдинов, заселяя знать. Остальных – по домам крестьян. А тех, кто не поместился, расселили в палаточном лагере за городскими стенами. Поля вокруг города зацвели яркими шатрами и знамёнами, как пёстрая ткань праздника, натянутая на землю.

Целый день Эдзард с Ютой принимали поздравления. Хвалебные речи лились рекой. Все в один голос утверждали:

– Краше невесты, чем Юта, мир не видывал.

Юта и сама видела эти перемены. И они ей нравились.

Она всё чаще подолгу вертелась перед зеркалом, разглядывая себя – с боку, спереди, сзади, в профиль и в три четверти. Сначала с удивлением. Потом – с

наслаждением. А потом… с восхищением. И, чем дольше она смотрела, тем больше влюблялась в отражение. Всё больше отдаляясь от тех, кто стоял рядом.

Эдзард же буквально сгорал.

Он ловил каждый её взгляд, как пёс ловит брошенную хозяином перчатку. Он трепетал от каждого её движения. Он не мог дышать, если её не было рядом. Он исполнял любую прихоть, не в силах противиться, не в силах осмыслять.

Но всё чаще Юта была не в духе.

То скучала, то раздражалась, то становилась непроницаемой, как мраморная статуя. И в эти моменты Эдзард чувствовал, что умирает по чуть-чуть.

И всё сильнее росла мысль, которую он не смел произнести:

“Если бы я мог прикоснуться – хоть раз… хоть на мгновение…”

Эдзард со своими вздохами, стихами, щенячьей преданностью начал тяготить Юту.

Её новое тело – юное, прекрасное – жаждало прикосновений. Требовало ласки, как огонь требует воздуха. Но он, её суженый, ничего не мог ей дать. И что самое страшное – она сама не могла обойтись без него. Как и он без неё.

Между ними – будто невидимая нить, короткий, удушающе тугой поводок. Они не могли расстаться. И не могли быть вместе.

Неделю назад Юта попыталась выйти одна, без Эдзарда. Вышла в прихожую. Открыла дверь. И – удар в висок, словно кто-то швырнул в неё камень. В глазах потемнело. Ноги ослабли. Всё тело отказалось повиноваться. Сделав едва три шага, она сдалась и вернулась. И увидела, что Эдзард лежит на полу. Он корчится в безмолвной агонии, как рыбина на песке.

Юта вскрикнула. Уже хотела броситься к нему – но остановилась. Прикосновение – смерть. Она сдержала порыв. Даже не позвала никого. Просто стояла. Смотрела на его судороги. На изломанное лицо. На глаза, полные боли.

Её внутренности тоже сжало огненной, яростной болью. Но эта боль угасала. И с ней уходило что-то ещё, что-то важное. Что-то, что уже не вернётся.

Она поняла: никогда больше она не позволит себе чувствовать это снова. С тех пор её мир стал прост: наряды, зеркала, балкон, восторженные взгляды.

Она училась быть божеством: неподвижным, сияющим, холодным. Смеялась. Кивала. Улыбалась. И никогда – никогда – не позволяла себе сломаться. Она должна была быть на вершине. Высокой. Недостижимой. Прекрасной. Там, где нет ни тепла, ни сострадания, ни правды. Лишь восхищение. Лишь преклонение.

А по ночам…

По ночам она думала, что, может быть, сделала ошибку. Но исправить – уже

было невозможно.

Ко дню свадьбы Юта была на грани срыва. На церемонии у алтаря она едва держалась на ногах. Губы дрожали. Веки горели.

Кольцо ей надевал Хайнц. А Эдзарду – её мать.

Какой стыд.

Ни прикосновения. Ни намёка на нежность. Ни света в глазах. Только каменные лица и стиснутые пальцы. Со стороны всё выглядело так, будто их заставляют венчаться.

И, может быть, так оно и было.

После венчания Юта и Эдзард отправились на свадебный пир. Толпы гостей ждали их – с песнями, вином, жареным мясом и тостами. Но Юта не могла ни есть, ни пить, ни улыбаться. Все её мысли были заняты одним: как она оказалась здесь? С этим человеком, которого не любила, но без которого теперь не могла жить. И он – без неё.

Ей хотелось встать и уйти. Уйти – далеко. В лес. В ночь. Куда угодно. Только бы остаться одной.

Она уже поднялась было со скамьи. Бросила взгляд в сторону сада…

И тут по залу пронёсся оглушительный рёв. Вскочил на ноги Рюдигер цу Вайсталь – полупьяный, тяжёлый, с кубком в руке.

– Hochzeit! – проревел он.

И всё взорвалось:

– Hochzeit! Hochzeit! Hochzeit! – скандировали гости, стуча посудой по столам. Требовали поцелуя. Требовали доказательства любви. А может – просто зрелища.

Эдзард побледнел. Лицо его пошло красными пятнами. Он сжал кулаки, как перед ударом. Ему хотелось – до боли в груди – прикоснуться к ней. Просто взять за руку. Просто прижаться. Просто…

Но если это ошибка? Если он убьёт её? Если Юта рухнет у его ног, с синими губами, захлебнувшись кровью?

Он отвёл взгляд и опустил руки.

Рёв стих. Гости замерли. Никто не ел и не пил.

И тогда Рюдигер усмехнулся:

– Если жених отказывается целовать невесту – значит, он её не любит. Или же… он её не достоин. Такой цветок – ей бы цвести при дворе императора, а не в жалком доме какого-то бургомистра.

Пошёл ропот.

– Ну что ж, – продолжал рыцарь. – Пусть докажет, что достоин. С мечом в руке.

– Их союз освящён небесами, – вмешался священник. – Никто не вправе…

– Замолчи, поп! – отрезал Рюдигер. – Здесь действуют более древние законы. Взгляни на её лицо. Где тут любовь? Где радость? Нет? Значит, поехали со мной, прекрасная Юта. Я покажу тебе, какой бывает настоящая жизнь.

Он протянул к ней руку.

Хайнц уже подал знак стражникам – но Эдзард встал сам.

– Не надо, отец. Дай мне меч.

Голос его был спокоен.

– Пока я жив – никто не посмеет оскорблять наш дом.

Они сошлись – прямо на пыльной земле пира. Гости расступились, закричали, захлопали. В воздухе пахло мясом, мёдом и кровью.

Рюдигер был мастером. Первые удары – ловкие, резкие – заставили Эдзарда отступать, падать, валиться в пыль.

Толпа гудела. Бойня на свадьбе!

– Ну что? – насмешливо говорил рыцарь. – Откажешься от неё? Пока не поздно.

Но Эдзард вскакивал. Снова и снова. С грязью на лице. С порванной одеждой. С кровью во рту. Но – с мечом в руке.

Каждый раз он бросался вперёд с новой яростью. И каждый раз, поднимаясь, он смотрел только на Юту.

Вечерело. Проснулись сверчки. Загорелась первая звезда. С гор потянуло вечерней прохладой. Но разгорячённый вином и зрелищем люд ничего не замечал. Не обратили внимание на человека в чёрном, что помог юноше в очередной раз подняться, и наклонившись, что-то шепнул ему на ухо. Зато все обратили внимание на то, как изменилось поведение Эдзарда. Будто бы другой человек стоял теперь перед ними. Это заметил даже пьяный Рюдигер, который при взгляде на Эдзарда на секунду испытал страх.

И был прав. На него теперь шёл уверенный в своей силе человек, полный решимости и действия. Он с лёгкостью отразил его наскоки и сам перешёл в контрнаступление. И когда рыцарь рухнул перед ним на колено и замолил о пощаде, Эдзард без колебания снёс ему голову одним верным ударом.

Кто-то вскрикнул. Кто-то закричал от восторга. А кто-то – просто замер. Хайнц с трудом сдерживал гордость. Когда его сын научился так владеть мечом? Но всё же надо было отвлечь народ. От крови. От головы, катящейся к подиуму.

– Уже стемнело, – громко произнёс он. – Самое время для салюта!

И тут же – вспышки, грохот, цветы огня в небе. Фейерверк заглушил шёпот смерти. Народ ликовал. На улицах пели и плясали. Это была длинная ночь, полная вина, смеха и света.

К слову говоря, всю эту ночь команда Хайнца безустанно разыскивала человека, помогшему сыну бургомистра, но он будто под землю провалился. Ни в городе, ни в окрестностях от него не осталось и следа.

Так из-за Юты пролилась первая кровь в Зюдлихбурге. Первая, но далеко не последняя. И Эдзарду тоже ещё много раз пришлось защищать свою честь и честь своей жены. Но дано ему было побеждать всех. Вскоре он прослыл самым лучшим и самым безжалостным фехтовальщиком юга. Что, впрочем, не уменьшало количество желающих сразиться с ним. Даже не из-за девушки, а именно за это самое первенство.

***

Если бы вы увидели Эдварда через год, вы бы его не узнали. Тело его иссохло, и лишь глаза выдавали в нём ту ярую энергию, что заставляла многих претендентов отступиться без боя. К этому моменту на его счету значилось сто двадцать побед. Сто двадцать человек приходили оспаривать место рядом с красавицей Ютой, и все сто двадцать приняли смерть от его меча.

Юта же расцвела ещё ярче. Ещё больше поклонников собиралось на площади, чтобы хоть издали взглянуть на её красоту. И она подолгу сидела на балконе, слушая серенады, или посвящённые ей спектакли. Либо же сама играла и пела для них. И тогда на дворе воцарялась тишина, все жадно слушали её песни, плакали. И умирали. Кто-то сам, кому-то помогали ревнивцы, посчитавшие, что тем досталось чуть больше внимания, чем им. Утром бедняг хоронили, и всё начиналось сызнова.

А за балконными дверями наблюдал за всем этим и страдал её муж. В последние дни он даже перестал есть и больше стал налегать на вино. Все говорили, что он болен какой-то страшной болезнью, и ожидали его скорейшей кончины.

Однажды утром, когда слуга вошёл в спальню Эдзарда, он нашёл там лишь почерневшие останки. Стоило ему коснуться их, как те рассыпались в прах.

Эдзард сгорел от любви, так ни разу и не прикоснувшись к своей возлюбленной Юте.

Злые языки тотчас пустили слух: это был дьявольский огонь. Будто бы самого юношу испепелил Сатана в расплату за заключённую с ним сделку. Как ещё объяснить его внезапные способности, виртуозное владение мечом и череду из сотни побед?

Всё, что осталось от Эдзарда, собрали в урну и с почестями предали земле на городском кладбище. Отец воздвиг над могилой богатый памятник – в честь

единственного сына, которого в могилу свела любовь.

После смерти Эдзарда город стал приходить в упадок. Возможно, этот процесс начался гораздо раньше, но с его смертью он стал более явным.

Многие горожане вместо того, чтобы ходить на работу, и заниматься своими делами, теперь целыми днями торчали на площади. Каждый видел себя счастливым мужем вечноцветущей девы, и даже наличие собственных жён их не останавливало.

Женщины же наоборот, возненавидели Юту всей душой. Плели о ней гадкие небылицы, распускали грязные сплетни, и даже ходили по бабкам в надежде навести на виновницу проклятья и порчу. Ведь всё внимание мужчин теперь было приковано к одной единственной женщине, им же доставались лишь жалкие крохи. К чему только они не прибегали, чтобы вернуть мужчин в дом, но все их попытки были тщетны.

Опьянённые страстью мужчины устраивали на площади целые побоища, силясь доказать, что именно они станут достойной партией для молодой вдовы. Иногда дело заканчивалось увечьями или гибелью десятков мужчин. Грязь, массовые драки, болезни, грабежи и поджоги, вот что творилось в городе. Не было уже никаких песен и спектаклей. Все галантные манеры сменила нахрапистость и наглость.

Только лишь бургомистр не замечал этого. Блеск золота совсем застил ему глаза. Да и в городе теперь он стал появляться редко, большую часть времени разъезжая со своей командой по городам, и обучая людей жизни. Он хорошо усвоил, что все его советы, так или иначе, принесут ему доход. И действительно, деньги стали стекаться к нему со всех сторон золотым потоком.

Однажды под его владения отошла земля, принадлежавшая ранее одному феодалу, которому Хайнц посоветовал вложиться в одно весьма прибыльное и беспроигрышное дело. Однако дело, которое блестяще началось, не выгорело. Молодой феодал влез в огромные долги, у него отобрали отцовскую землю и имение, а сам он повесился на ветке у самого дома. Имение же и земли было разделены между судьями и бургомистром.

Хайнцу достались охотничьи угодья – как раз тот самый участок леса, где когда-то они повстречали Чёрного человека. Теперь, после смерти Эдзарда, в поисках встречи с ним вроде бы не было смысла, но Хайнц, почему-то, упорно продолжал её искать.

Однажды, во время одной из таких вылазок, он наткнулся на охотничий домик, спрятанный глубоко в лесу – в стороне от всех дорог, поселений и любопытных глаз. Он рассудил здраво: если эта земля принадлежит ему, то и всё, что на ней находится, тоже – по праву его. Тем более, что дом пришёлся ему по душе: большой, двухэтажный, с добротной мебелью и чучелами животных. Но главное – он имел потайной ход, ведущий в небольшую пещеру в скале. Этот ход

Хайнц обнаружил случайно, на третий день своего пребывания в доме.

Надо сказать, после смерти сына в нём произошла разительная перемена. Он больше не интересовался благоустройством города или улучшением жизни горожан. Им овладела болезненная страсть к накопительству. С жадностью дракона он копил золото, не тратя ни одной лишней марки. И вот теперь ему пришла в голову мысль: перевезти свои сбережения в это укромное и надёжное место. Надёжнее, чем его собственный дом или даже городской банк.

Так он и поступил. На незаметную перевозку всех сундуков у него ушла неделя. И лишь когда последний сундук был спрятан, Хайнц ощутил облегчение. Больше не нужно было бояться, что обезумевшие горожане, разбойники или пожар лишат его нажитого добра. Здесь всё было в безопасности – под присмотром нескольких надёжных и преданных людей. Это были единственные, кому он щедро платил. Их задача состояла в охране дома и отпугивании непрошеных гостей. Правда, о тайнике и сокровищах они ничего не знали.

Насвистывая весёлую мелодию, Хайнц вернулся в город – там его уже поджидали высокие гости.

***

– Добрый вечер, достопочтеннейший Хайнц, – галантно приподнял шляпу молодой человек в безукоризненном камзоле. – Меня зовут Рауль фон Штауфенберг. Мы с вами как-то встречались при дворе, если помните. Благодарим за радушие – вы позволили нам подождать прямо здесь, в вашем доме. Но боюсь, дело, с которым мы прибыли, не терпит отлагательств. Речь идёт о ваших последних налогах.

У Хайнца внутри всё сжалось. Он узнал этот тон. Он знал, к кому князь посылает таких представителей. Налоги он платил регулярно и не рассчитывал однажды увидеть у себя во дворе этих аккуратных хищников.

– Я всегда платил сполна и в срок, – сдержанно сказал он.

– Понимаю ваше удивление. Но, увы, цифры говорят обратное. – Рауль изящно протянул свиток с княжеской печатью. – После проверки ваших счетов выяснилось, что вы три года подряд значительно занижали выплаты. Ваша задолженность втрое превышает уплаченные суммы.

Хайнц бегло просмотрел бумаги. Печать – подлинная. Подпись – тоже.

– Это нелепость. Мы не можем платить столько! Город в упадке, вы сами видите.

– О, мы многое видим, – мягко ответил Штауфенберг. – В том числе, как полнятся ваши личные сундуки. Не сомневайтесь, мы в курсе всех ваших доходов. Мы здесь не за головами – за справедливостью. Каждый обязан платить свою долю, особенно чиновник, который должен подавать пример.

– Я же бургомистр! – Хайнц всё-таки не удержался. – Мы можем… найти

компромисс. Уладить дело без шума…

– Простите, но это уже не обсуждается. Закон един для всех. У вас неделя. После чего с вами будет разговаривать другие люди. Не столь любезные, как я.

Сумма, указанная в документе, была чудовищной. Почти половина его состояния. Хайнц почувствовал, как поджилки предательски подрагивают. Всё, что он копил – годами, сберегал, прятал – теперь могло исчезнуть по воле одного росчерка.

– Как… как такое могло произойти?..

– Поверьте, я сожалею, – тон Рауля был почти сочувственный. – Но у вас, господин Хайнц, хватит ума разобраться. А пока мы задержимся в городе. Надо изучить обстановку. До нас дошли жалобы от ваших горожан. К слову, – он усмехнулся, – действительно ли ваша невестка так прекрасна, как говорят? Надеюсь, завтра вы будете столь любезны представить её?

Он поклонился.

– Мы остановились в постоялом дворе напротив. Если понадобимся, вы знаете, где нас найти. Да, и ещё… хорошего вам вечера.

Рауль исчез, как и появился – легко, будто тень. А Хайнц остался стоять в пустоте, где только что дышали хищные львы в камзолах.

***

Следующим же днём бургомистр за пышным обедом представил Юту Раулю фон Штауфенбергу, княжескому сборщику подати, и правой его руке. Рауль был настолько поражён необыкновенной красотой девушки, что тут же поручил местному художнику сделать её портрет. А когда тот закончил, то сразу повёз его к князю, обещав вернуться через три дня за собранным налогом.

Когда Рауль добрался до князя, то сразу сообщил, что старина Хайнц скрывает от них сокровище гораздо более ценное, чем золото. И показал ему портрет, заверив, что тот не передаёт и десятой доли её красоты. Но и увиденного хватило влюбчивому князю, чтобы разжечь в нём новый костёр чувств. Не откладывая, он тут же велел собирать войска, чтобы добыть себе разом и славу, и богатство, и невесту.

А тем временем Хайнц в своём Зюдлихбурге совсем извёлся. Ему до ужаса не хотелось расставаться даже с частью накопленных сокровищ, хотя он прекрасно понимал: в противном случае рискует потерять всё. Тогда он решил собрать налоги с горожан и крестьян ещё раз – но уже в двойном размере, чтобы покрыть недостающую сумму. Хайнц осознавал, что подобный шаг вряд ли принесёт ему любовь народа, однако надеялся, что позже сумеет восстановить репутацию и вернуть утраченное доверие. А пока…

Со своими людьми он врывался в дома и устраивал настоящие бесчинства. Люди возмущались, сопротивлялись, но сборщики были беспощадны. Лилась

кровь, были жертвы. У отказавшихся платить отбирали имущество силой. Многих бросали в долговые ямы, откуда их выкупали родственники – если могли. В конце концов у людей не оставалось иного выбора, как заплатить снова. Они отдавали последнее, проклинали Хайнца, роптали, но не имели ни сил, ни решимости восстать. А Хайнцу таки удалось собрать нужную сумму, не потратив ни медяка из личных сбережений. С миру по нитке, как говорится… набралось и на рубашку.

Люди не простили бургомистру такого обращения и перестали ходить к нему. Однако, как ни странно, их ненависть не перекинулась на его невестку. Юту продолжали боготворить. У неё просили защиты от гнева свёкра, и булыжная мостовая под её балконом всё так же была устлана ковром из свежих цветов.

А Хайнц ждал. Три дня. Четыре. Шесть. Ожидание становилось невыносимым, жгло и тревожило. И вот, на исходе седьмого дня, воздух пронзил звук боевых труб, и пыльное облако поднялось над холмами: к Зюдлихбургу приближалась армия.

Люди в панике забаррикадировали ворота, схватили оружие, высыпали на городские стены. Время было неспокойное – мирная жизнь могла оборваться в любой миг. Никто особенно не удивлялся. Только женщины плакали, прятали детей в погреба и дома. Но штурмовать город никто не собирался. Через час, там, где ещё недавно пестрели палатки гостей, выстроился военный лагерь. Жители сразу узнали знамёна и цвета князя, своему сеньору они были вассалами – и теперь терялись в догадках, чем могли вызвать его гнев.

Ещё спустя час к воротам подъехал Рауль фон Штауфенберг и громогласно провозгласил, что, помимо уже собранного налога, его светлейшество желает оказать честь дому Хайнца и взять в жёны его вдовствующую невестку. Утром её, вместе с гружёными телегами, надлежало вывести за ворота – прямиком к нетерпеливому жениху.

Он сказал это – и уехал. А в городе начали спорить, что делать. Князь ведь уже женат – что он собирается делать со своей нынешней супругой? Но женщины не жалели её: в один голос кричали, что дьяволицу нужно отдать и забыть, как страшный сон. Мужчины же наотрез отказывались расставаться с красавицей и были готовы умереть с оружием в руках, но не отдать Юту без чести.

Началась настоящая война между мужчинами и женщинами. Тогда те заявили, что покинут город, раз они больше не нужны. Пусть их обезумевшие мужья остаются и гибнут, если им так хочется.

Сказано – сделано. Забрав детей, женщины ушли из города и перешли в стан князя. Их беспутные мужья остались за крепостными стенами осаждённого Зюдлихбурга.

***

Когда солнце взошло над городом, небо окрасилось в ярко-красный цвет. Густой туман медленно сползал в расселины, а воздух стал хрустящим и прохладным. Всё предвещало перемену погоды.

Городская площадь впервые за долгое время опустела. Мужчины заняли позиции у стен. Кто-то пытался дремать, но большинство даже не ложились в эту ночь. Для многих она могла стать последней – и каждый это понимал. Скоро город погрузится в хаос и насилие. Мужчины вспоминали прожитую жизнь и молились, чтобы выжить в буре, которую сами же и призвали на свои головы.

Не спал в своей опочивальне и Хайнц. Все слуги покинули его, кроме трёх бывалых солдат. Но их преданность была направлена не к нему – они охраняли Юту. Эту несносную девку, сгубившую его сына. Он бы с лёгкостью отдал её князю, несмотря на её траур по Эдзарду, если бы не эти глупцы. Люди! Они встали у неё на защите, как заколдованные. О, как он ненавидел её! Несомненно, во всех бедах виновата именно она. С самого начала.

Он даже разрабатывал варианты, как передать её князю и вернуть его расположение. Но… все его предали. Весь мир ополчился против него. Он даже выйти из дома не мог, не опасаясь, что его прирежут.

Но он не был бы Хайнцем, если бы не придумал что-нибудь. Да, у него были варианты. И сейчас он прокручивал один из них в голове, когда вдруг услышал сильные удары в дверь, ругань, крики внизу. Опьяневшие и озверевшие мужики пришли. За ним. И за Ютой. А его “телохранители” бросились защищать не его, а её.

Хайнц, в поношенной пижаме и ночном колпаке, бросился в комнату Юты. Она же спокойно и даже равнодушно наблюдала в окно, как одна толпа штурмует их дом, а другая пытается им помешать.

– Отойди от окна, – бросил ей Хайнц.

Он метался из угла в угол, не в силах найти себе места. Сейчас всё закончится. Его непременно убьют. И всё из-за проклятого Рауля и княжеской жадности! Все хотят поживиться за чужой счёт. Будьте они прокляты! Не даёт им покоя чужое счастье!

Схватившись за голову, он рухнул на кровать и издал крик, полный отчаяния и горечи. А когда убрал ладони от лица, то увидел, как в комнату вбежала огромная крыса и уставилась на него чёрными, как уголь, глазами.

- Пошла прочь! – закричал Хайнц, снимая ботинок, чтобы запустить в неё, но, к его удивлению, крыса заговорила человеческим голосом.

- Хайнц, Хайнц! Плохи твои дела. Солдаты уже стаскивают хворост к твоему дому. Хотят поджечь. Я смогу спасти вас, если пообещаешь отдать Юту мне жёны.

Это оказалась не крыса, а крыс.

- Конечно! – закричал не верящий своим глазам Хайнц. – Она станет твоей, только спаси нас! Только как ты это возможно?

- Следуйте за мной! – скомандовал крыс и бросился по лестнице вниз.

Хайнц и Юта поспешили за ним и спустились в подвал, где находилась кухня. Сейчас она была совершенно пуста, так как все работники перестали служить бургомистру. Здесь всё было как прежде, только у самой стены теперь зияла дыра, в которую при желании мог бы протиснуться даже взрослый человек.

- Мы прорыли этот ход, как только узнали, что Юте грозит опасность. Теперь через этот лаз мы выберемся из города.

Чтобы пролезть за крысом, Хайнцу и Юте пришлось лечь и протискиваться в полной темноте, сдавливаемые со всех сторон тоннами земли. Где-то впереди слышался крысиный писк и сопение Хайнца. С каждым метром Юте становилось всё страшнее. Ей казалось, что вот-вот многотонные своды земли обрушатся и похоронят их всех заживо. Или же она сама застрянет на одном из коварных поворотов. Ко всем прочим неудобствам добавлялся и тяжёлый каблук Хайнца, который иногда срывался и больно бил её по голове. В другой раз она бы заплакала, потому что понимала, что часть этих ударов была совершенно не случайна. Вредный старик мстил ей.

Так они ползли целый час – в беспросветной тьме, ломая ногти и раздирая одежду о торчащие корни. А из многочисленных отнорочков за ними пристально следили сотни усатых острых морд.

Когда впереди забрезжил свет, и лёгкий ветерок разбавил спёртый, затхлый воздух, Юта воспрянула духом. Никогда прежде она не радовалась новому дню так сильно, как в этот миг.

Деревья радостно встретили чудом спасшихся, когда они выбрались из старой барсучьей норы прямо под покровы леса. Осаждённый город остался позади, но даже сюда доносился глухой грохот катапульт и звон разлетающихся камней – стены Зюдлихбурга рушились одна за другой.

Хайнц тревожно огляделся. Никого.

– Нужно убираться отсюда как можно дальше. В Баварию. Уверен, там мы найдём защиту и поддержку.

– Подожди, Хайнц, – преградил ему путь крыс. – Я выполнил свою часть уговора. Теперь твоя очередь – отдай мне в жёны свою наречённую дочь.

Оказавшись в безопасности, Хайнц и думать забыл о своём обещании. Мысль выдать вдову своего покойного сына за крысу показалась ему унизительной. Он решил схитрить.

– Конечно, дорогой крыс, – проговорил он с добродушной улыбкой. – Ты спас нас всех и вправе требовать плату. Без тебя, с твоей решительностью, отвагой и мужеством, мы бы уже не увидели этого белого света. Только такой, как ты, достоин руки самой прекрасной девушки в мире. Тем более, ты и сам, как я вижу, – не простой.

– Совершенно верно, – элегантно кивнул польщённый крыс. – Я – принц своего народа. И вскоре, после смерти отца, стану королём. А твоя дочь – королевой.

На лице Хайнца выступили слёзы умиления. Он протянул руки и воскликнул:

– Так иди же ко мне, дорогой сын! Обниму тебя, как положено у нас, у людей. А после – благословлю ваш союз.

Крыс доверчиво подошёл, и в этот самый миг Хайнц резко схватил его и свернул шею.

– Где это видано, чтобы какая-то крыса просила руки моей дочери! – процедил он, и швырнул бездыханное тельце под ореховый куст.

Затем он крепко взял оторопевшую Юту под руку и повёл к своему охотничьему домику, скрытому в самой глухой чаще.

Девушка послушно шла за ним. Её раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, ей было искренне жаль бедного крыса, а с другой – она не хотела быть его женой и жить под землёй. Даже час в той тесноте показался ей вечностью.

Она всё ещё шла, не разбирая дороги. И только когда впереди показались стены домика, сознание стало понемногу возвращаться.

Навстречу им выскочили двое слуг, заметив приближение господина, и поспешили на помощь. Один подхватил валившуюся с ног Юту на руки, другой подставил плечо Хайнцу и помог ему добраться до двери.

Хозяин ввалился в дом, как медведь, и рухнул в большое дубовое кресло, устланное волчьими шкурами. Сейчас ему хотелось быть поближе к своему золоту – трогать его руками, перебирать, считать. Тогда он бы почувствовал себя гораздо легче. Это бы его взбодрило.

Он не стал отвечать на расспросы слуг, а просто велел нагреть воды, чтобы помыть руки и ноги. Сильно хотелось умыть лицо, но тут он вспомнил, что делать этого, ни в коем случае, нельзя. Доктора ведь говорили – это ухудшает зрение. А ванны вообще расширяют поры до такой степени, что в них легко проникают болезни, вызывающие неминуемую смерть. К тому же, горячая вода способствует перегреву организма и затяжным хворям.

Нет, жить Хайнц собирался долго и счастливо – значит, никаких ванн! А грязь – не зараза, отстанет.

После неизбежного омовения ног Хайнц изволил отдохнуть. Он отправился в комнату наверху, соседнюю с комнатой Юты, лёг на кровать и провалился в глубокий, тревожный сон.

Проснулся он только к вечеру. Множество тревог, волнений и пережитых опасностей не способствовали дневной активности. Зато теперь он чувствовал себя прекрасно. Хайнц поднялся, потянулся и сладострастно улыбнулся. Его ждала заветная ночь рядом с его сокровищем! От вожделения он даже потёр руки.

Правая ладонь зачесалась – он задумался: нет, к деньгам ведь чешется левая… Почесал и её. На всякий случай.

Как же ловко он выбрался из всех передряг! Было чем гордиться.

Юты в её комнате не оказалось. И Хайнц встревожился: а вдруг солдаты, давно сидящие в лесу, одичали настолько, что решились на безумное? Он поспешил вниз. На пролёте лестницы его остановил чей-то сдавленный голос.

– Хааааайнц… – выдохнула прибитая к стене голова косули. Губы её зашевелились. Медленно. Холодно. И чёрные глаза, как угли, впились в него. – Что ты сделал с крысиным принцем? Убийца… убийца…

Хайнц рванулся прочь. Пролетел мимо, поскользнулся, зацепился за перила. В холле было темно, и кресло со шкурами вдруг ожило: волчьи головы поднялись, шеи вытянулись, пасти приоткрылись – и заговорили хором:

– Он спас тебе жизнь, а ты его У-БИЛ. ХА-ХА-ХА!

С потолка, под самым канделябром, развернул свои крылья орёл. Он был мёртв, но глаза его шевелились, словно черви в золе. Голос его был как колокол на похоронах:

– Позор, Хайнц. Позо-о-ор… Твой род вымрет в смраде и нищете.

Хайнц споткнулся о ногу стула, рухнул на колени. На кухне… Да, на кухне – Юта и солдаты. Они что-то шепчут. Или шипят? Один из них… режет рыбу. Большим, похожим на тесак ножом. Голова рыбы шлёпается на доску. Глаз мёртв. Но вдруг он поворачивается. На него. Прямо на него.

– УБИЙЦА… – хрипит отрубленная голова. – УБИЙЦА…

Хайнц завыл, как загнанный зверь. Он рванулся вон из кухни. За ним, как лопнувшая артерия, раздался визг свиньи – это захохотало чучело вепря:

– Пропа-а-а-а-дё-о-о-о-шь!..

Он сорвал со стены огромный двуручный меч. Меч поначалу дрожал в его руках – а потом будто сам начал двигаться. Как живой. Хайнц размахивал им, сносил головы, разрубил вепря, косулю, орла. Всё полетело в чертям! Мясо, шерсть, перья. Стены истекали липкой смолой. Кресло ржало – точно ржало! – и, взвизгнув, взлетело в воздух, прежде чем рухнуть ему под ноги.

Хайнц орал. Без слов. До хрипоты.

И в самый апогей безумия – тишина. Густая и вязкая. Неестественная. А потом – голос. Тот самый.

– Хаааайнц… Довольно. Довольно веселья. Ты уже достаточно меня позабавил.

Меч выпал из рук, звеня по камню, и дрожь прошла по позвоночнику Хайнца, будто кто-то провёл по нему ледяной иглой. Он не хотел оглядываться. Он знал, кто там стоит. Прямо в его тайном логове.

Хайнц всё же медленно обернулся – и увидел сперва застывших в колдовском оцепенении солдат, затем Юту, в немом бессилии прижавшуюся спиной к стене, и, наконец, его. Чёрного человека.

Тот шёл к нему уверенной поступью хозяина, с лёгкой, насмешливой улыбкой на губах.

– Должен поблагодарить тебя, друг мой, – произнёс он. – Ты верно служил мне, хоть и не подозревал об этом. Сейчас понимание, вижу, уже приходит в твою голову – читается по глазам. Но ты ведь не думал, что такая девушка может достаться простому смертному? Нет, я готовил её для себя. И вы с Эдзардом мне в этом отлично помогли. Он устранял моих конкурентов, а ты собрал – и, что куда важнее, сберёг – отличное приданое. Или ты думал, что это золото – твоё? Бедный Хайнц… Мне даже немного тебя жаль.

Он слегка склонил голову в притворной печали.

– Наверное, ты ещё думал, будто этот домик принадлежал тому бедолаге, что полез на сук по твоей милости? Снова мимо. Этот дом – мой. И, между прочим, твои люди отлично о нём заботились в моё отсутствие. Заберу их с собой. А в потайную дверь можешь не смотреть. Там больше нет ничего.

Не веря словам, Хайнц бросился к тайнику. Он нашёл нужный рычаг, распахнул потайную дверь и влетел в пещеру, которая некогда была его сокровищницей. «Была» – потому что золота в ней не осталось ни гроша. Ни одной завалявшейся монетки.

Хайнц рухнул на колени, охваченный отчаянием. Его безумный взгляд метался по углам, ища хоть след от сундуков, хоть намёк на прежние богатства. Но глаза ничего не находили. Думая, что они его обманывают, он начал шарить руками, как слепец, но встречал лишь холод камня и пустоту. Тогда он заплакал.

– Не плачь, дорогой, – мягко сказал дьявол. – С тобой ничего не случится, и никто не сможет тебе навредить. А вот дом… Пожалуй, здесь становится слишком многолюдно. Пора его перенести. А теперь – прощай. Вернее, до скорого!

Он трижды хлопнул в ладоши – и дом исчез. Растворился в воздухе вместе с людьми, с вещами, с голосами и звуками. В открывшейся пещере остался только

Хайнц.

Он лежал на каменном полу и рыдал. Он катался по земле, рвал на себе волосы и в один миг сошёл с ума. Сорвав с себя одежду, нагим он бросился в лес, и долго блуждал там, пока ноги сами не привели его к тому месту, где некогда стоял его родной Зюдлихбург.

Но и города не оказалось. Лишь руины. Ни одного живого человека. Только мрак, и полчища злобных крыс, мечущихся по развалинам, да стаи чёрных ворон, вьющихся над ними.

Так погиб некогда славный Зюдлихбург. Не осталось от него ни следа, ни памяти. Разве что именем безумного Хайнца ещё долго пугали детей – и изредка кто-нибудь да вспоминал о былой красе мира, о бедной девушке Юте.

Прошли годы. Менялись князья и границы, ветшали дороги, стирались с карт небольшие города. НоШварцвальд оставался прежним. Его тёмные хвойные склоны по-прежнему тонули в тумане, ручьи бежали между камней, а ветер разносил над лесом старые истории.

О Зюдлихбурге со временем забыли.

Его имя исчезло из летописей. Путники больше не спрашивали дорогу к городским воротам и дажеторговцы обходили стороной заросшие тракты.

Лес забрал всё.

Камни ушли под мох. Корни разорвали мостовую. На месте площадей поднялись ели. Там, где когда-то шумели рынки и звучали песни, теперь слышались только птицы да шелест ветвей.

И всё же иногда путники, слишком далеко забредшие в чащу, рассказывали о странных находках.

Кто-то видел старую булыжную дорогу, уходившую между деревьев и внезапно обрывавшуюся. Кто-то находил колодец с удивительно чистой и холодной водой. Другим попадались мраморные ступени, поросшие мхом и плющом. Они поднимались вверх, к месту, где давно уже не было ни стен, ни дверей.

Говорили также об одной девушке.

Увидеть её удавалось редко. Чаще всего на закате, когда последние солнечные лучи ложились на верхушки елей, а над долинами начинал подниматься туман.

Тогда среди деревьев проступал каменный балкон. Старый, потрескавшийся, густо увитый плющом. На балконе стояла девушка.

Молодая. Прекрасная. Такой красоты путники прежде не встречали и потом уже не могли забыть. Время словно обходило её стороной. Годы проходили,

поколения сменяли друг друга, а она оставалась той же.

Иногда девушка пела.

Голос её был тихим и чистым. Он плыл между деревьев, отражался от скал, смешивался с шумом ручьёв. Слова были непонятны, язык никто не узнавал, однако каждый, кто слышал эту песню, почему-то чувствовал её смысл. В ней звучала тоска по дому, любви, по жизни, которой уже нельзя вернуть.

Одни слушали и плакали. Другие потом много лет искали дорогу к тому месту. Бывали и такие, кто уходил в лес вслед за голосом и возвращался лишь через несколько дней, измученный, исцарапанный ветвями, почти лишившийся рассудка. Но ещё никому не удавалось увидеть девушку дважды.

Со временем у неё появилось много имён.

В одних деревнях её называли Лунной Девой. В других, – Прекрасной Проклятой. Старики говорили о Хозяйке Потерянного Города и предупреждали детей, чтобы те никогда не ходили в лес после заката.

Но самое странное рассказывали те, кто видел её совсем близко. Говорили, что иногда, когда песня стихает, девушка перестаёт смотреть вдаль и медленно поворачивает голову, будто слышит чьи-то шаги. Тогда ветер неожиданно замирает, умолкают птицы, а между деревьями появляется высокая чёрная фигура. Всего на мгновение. После этого балкон исчезает в тумане.

И если однажды, заблудившись в Шварцвальде, вы услышите среди деревьев женское пение, вспомнитеэту историю. Продолжайте идти своей дорогой. Не пытайтесь отыскать среди тумана старую мостовую, не поднимайтесь по заросшим мраморным ступеням и не пытайтесь отыскать девушку на каменном балконе.Особенно если вслед за песней вам почудится тонкий аромат роз. Говорят, тогда где-то совсем рядом уже стоит Чёрный Человек.

Одни уверяют, что он приходит за Ютой. Другие говорят, что приходит только послушать её песню. А старики в шварцвальдских деревнях на такие вопросы обычно замолкают и крестятся. Потому что некоторые Дары не исчезают вместе с теми, кому были преподнесены. Они остаются. И ждут следующего путника.